

Палагута И.В.

ЭЛЕМЕНТЫ “ТЕХНИЧЕСКОГО” ОРНАМЕНТА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕКОРА КЕРАМИКИ ТРИПОЛЬЯ-КУКУТЕНИ

В статье рассматривается феномен “технического декора” на керамике – воспроизведения в орнаменте реликтовых деталей конструкции или текстуры поверхностей некерамических изделий. “Техническое” происхождение имеет и целая серия орнаментов керамики культуры Триполье-Кукутени. Воспроизведение текстуры и декора плетеных и тканых изделий характерно для орнаментов периода Триполье VI – Кукутени А, что связано с влиянием на Триполье культур Тиса и Петреити. Широко распространено в Триполье-Кукутени и воспроизведение в виде орнамента ручек, утративших свое функциональное назначение, которые обычно трансформируются в мотивы в виде кругов. Исследование развития “технического орнамента” показывает частую несостоятельность фигуративных и “знаковых” его интерпретаций, но, с другой стороны, дает возможности для выявления путей эволюции композиций и элементов декора.

Ключевые слова: культура Триполье-Кукутени, “технический орнамент”, элементы и композиция декора, “лицевой” мотив, интерпретация орнамента.

“Техническим орнаментом” принято называть воспроизведение в декоре “реликтовых технических деталей уже после того, как они утрачивают прямую связь и с производственной технологией, и с применением изделий” [Кожин, 1981, с.135-136; Кожин, 1991, с.130]. Данный термин стал использоваться более столетия назад, когда наблюдения над развитием “технической” орнаментации в искусствоведении и археологии [Riegl, 1893; Schuchhardt, 1909; Scheltema, 1929] сыграли значительную роль в становлении типологического метода (так, в частности, именно на преобразовании в орнамент конструктивных элементов бронзовых изделий построены знаменитые “типологические ряды” Оскара Монтелиуса). Технический орнамент широко используется в декоре керамических изделий, однако, его распространение отнюдь не подразумевает буквального повторения исходных прототипов, так как “в силу особых пластических свойств сырья эти имитации оказывались достаточно творческими” [Кожин, 1994а, с.20]. На керамике обычно представлено несколько разновидностей технического орнамента:

1) орнамент, воспроизводящий фактуру поверхности, конструктивные детали или декор некерамических изделий [Schuchhardt,

1909; Bremer, 1925; Массон, 1962; Кожин, 1964; Зотова, 1965; Кожин, 1994б; др.].

2) орнамент, представляющий собой намеренное оставление следов изготовления сосудов и превращение их в элементы декора, или орнамент как способ обработки поверхности сосуда [Пещерева, 1959, с.139-140, 143-151; Калинина, 2002, с.241].

3) орнамент, воспроизводящий конструктивные детали керамических сосудов (ручки, носик, поддон и т.п.), потерявшие свое функциональное назначение. Эти детали могли быть как керамическими, так и некерамическими – например, обвязка сосуда веревками, применявшаяся при его переноске [Petrie, 1901; Кожин, 1963].

Цель данной работы – рассмотреть проявления технического орнамента на керамике Триполья-Кукутени. Несмотря на то, что здесь доминируют спиральные мотивы, возникшие из преобразований изобразительных элементов – одиночных или парных фигур “змей” [Балабина, 1998; Палагута, 1999], технический орнамент сыграл значительную роль и в эволюции трипольского декора.

Появление в Прекукутени-Триполье технических орнаментов первой разновидности было обусловлено влиянием окружающих культур. Так, на начальном этапе формиро-

вания культуры отмечается широкое использование врезного, “выемчатого” декора (так называемый “кербшнит”), характерного для керамики Балкано-Дунайских культур круга Боян – Поляница – Сава – Караново V. Он мог первоначально возникнуть на деревянных изделиях, т.к. аналогично резьбе по дереву, прорезывался по подсушенной поверхности сосуда, после чего углубления-выемки часто инкрустировались белой пастой. С подобной техникой согласуется и построение орнамента из прямолинейных фигур, образующих мотивы в виде “волчьих зубов” и “шахматной доски”, различных вариантов меандра [Радунчева, 1971; Тодорова, 1979; Тодорова, 1986; Comşa, 1974; др.]. Цилиндрические формы сосудов при этом тоже могли копировать выточенные из дерева образцы.

Подобные способы орнаментации керамики получают распространение в Прекукутени I-II – Триполье А [Marinescu-Bîlciu, 1974, p.57-58; Збенович, 1989, с.108, 170]. Позже, на этапе Прекукутени III, врезной прямолинейно-геометризованный орнамент был вытеснен криволинейными спиральными композициями, но его реминисценции, проявившиеся в использовании для орнаментации подсушенных заготовок, наблюдаются вплоть до начала Триполья VI – Кукутени А [Palaguta, 2002, p.627-628].

Таким же эпизодическим явлением стало и распространение в Триполье-Кукутени орнаментов, подражающих декору плетеных и тканых изделий. Наиболее широко подобные подражания, выполненные прочерченными линиями, представлены в неолитических культурах Среднего Подунавья – Сакалхат-Лёбе и Тиса, а в энеолите – присутствуют как в рельефном, так и в красочном декоре керамики культур Бодроккерестур и Лендьел [Csalog, 1955; Patay, 1956; Kalicz, 1970, p.45; Титов, Эрдели, 1980, с.379-381, рис.225]. Распространение таких орнаментов захватывает также ареалы культур Винча, Градешница, Вэдастра в Югославии, Западной Болгарии и Румынии [Dumitrescu, Bolomey, Mogoşanu, 1983, p.92-94; Тодорова, 1979; Тодорова, 1986].

Ряд таких орнаментов, возможно, восходит к диагональному циновочному плетению (рис.1, 1-2) (см.: Csalog, 1962). В них также

широко использовался “панельный” принцип орнаментации, когда узор включался в прямоугольное обрамление (метопы), вырезающее полосу орнамента так, что составляющие его фигуры можно продолжать за “кадром” [Титов, Эрдели, 1980, с.180, 335-344, 105; Korek, 1989, taf.2, 1, 3; 5, 1, II; 12, 1-6 etc.]. Такая панельная орнаментация распространена не только на круглых в сечении, но и на четырехгранных сосудах, где образовывалась “естественным образом, поскольку ребра делили орнаментальную поверхность на четыре зоны” [Титов, Эрдели, 1980, с.339, рис.196, 208; Радунчева, 1971, с.30-31, обр.53]. Таким образом, циновочная “плетенка” могла перейти на керамику не непосредственно, а через четырехгранные “коробки” (скорее всего, деревянные), которым подражали керамические формы.

Аналогичные “плетеные” узоры появляются к востоку от Карпат в период Триполье VI – Кукутени А. В отличие от тисских и винчанских, они не прочерчены, а выполнены полихромной росписью. Здесь сохранен “панельный” принцип размещения узора в горизонтальной зоне, разграниченной двумя или четырьмя вертикальными разделителями, в которых часто располагались ручки (рис.1, 3, 5-6). Серии сосудов, украшенных “плетенкой” и меандром, обнаружены в комплексах поселений Карпато-Днестровского региона (Ариушд, Новые Русешты, Тырпешти, Хэбэшести, Трушешти, Старые Куконешты, Дрэгушени, Друцы, Журы и др.). Примечательно, что почти одновременно с такими узорами в Триполье-Кукутени распространяются и четырехгранные сосуды (Ленковцы, Новые Русешты, Хэбэшести, Березовская ГЭС, Борисовка, Дрэгушени и др. памятники (см.: Cisoş, 1976)). Орнамент одной из таких “коробочек”, найденной в Дрэгушени (рис.1, б) [Crîşmaşu, 1977, p.54, fig.36, 1], в росписи в точности повторяет прочерченные узоры четырехгранных сосудов культуры Тиса.

В тот же период Триполье VI – Кукутени А на керамике ряда трипольско-кукутенских памятников (Трушешти, Друцы I, Дрэгушени, Новые Дуруиторы I, Василевка, Журы) появляются узоры, выполненные тонкими черными штрихами по светлому ангобу, ко-

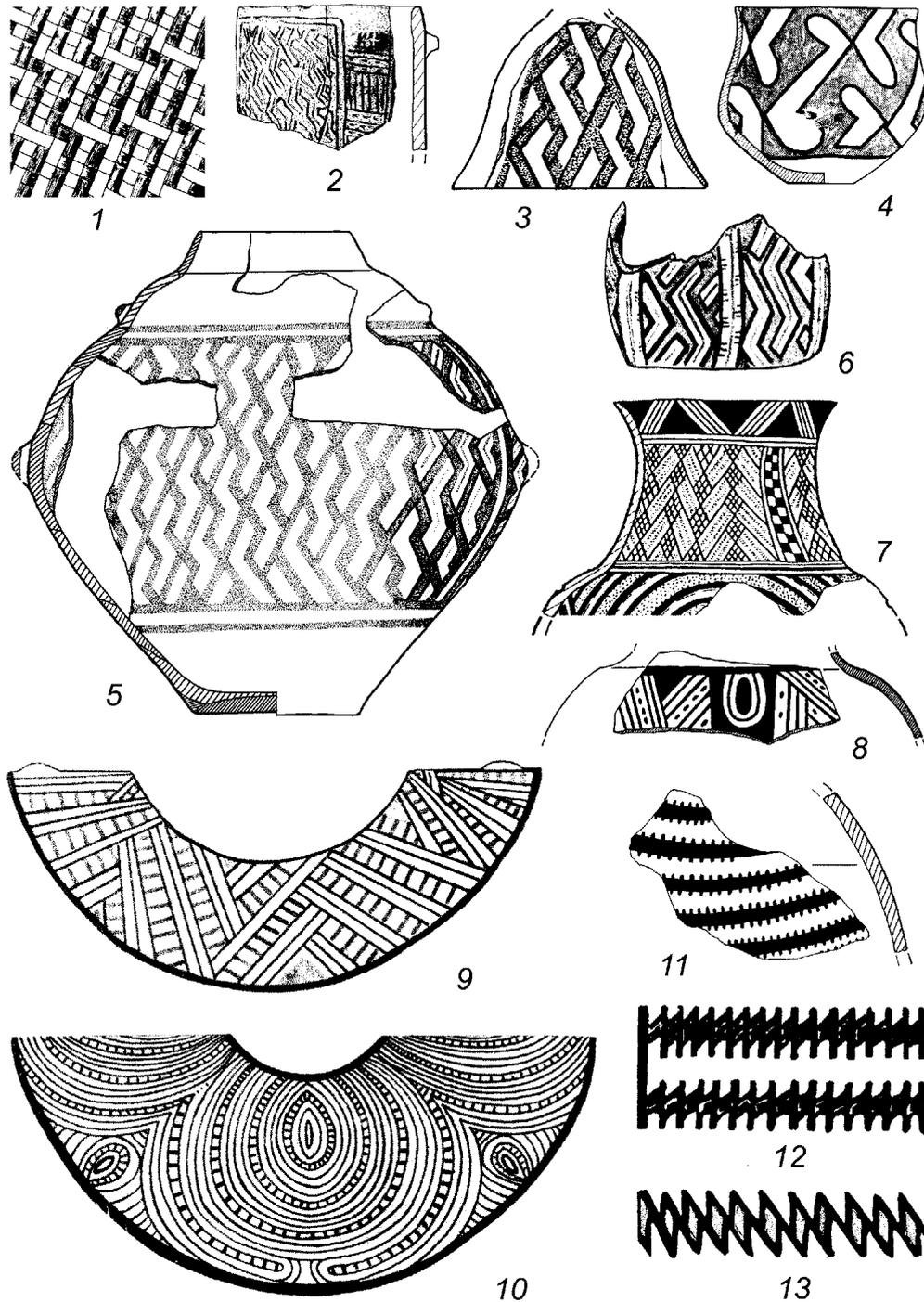

Рис. 1. Технический орнамент, подражающий фактуре и декору плетеных изделий: 1 – образец диагонального плетения (по: Patay, 1956); 2 – фрагмент сосуда культуры Тиса (по: Korek, 1989); 3, 5, 8 – Друцы I; 4 – Хэбэшешти I; 6 – четырехгранный сосуд из Дрэгушени (по: Crîșmaru, 1977); 7 – Жұры; 9-10, 12-13 – Дрэгушени (по: Crîșmaru, 1977); 11 – Незвиско II.

Fig. 1. 'Technical decoration' imitated the texture and decoration of woven articles: 1 – example of diagonal weave (after: Patay, 1956); 2 – fragment of Tisza culture pot (after: Korek, 1989); 3, 5, 8 – ceramics from Druța I site; 4 – beaker from Hăbășești site; 6 – tetragonal vessel from Drăgușeni (after: Crîșmaru, 1977); 7 – jar from Jura; 9-10, 12-13 – pottery from Drăgușeni (after: Crîșmaru, 1977); 11 – pottery fragment from Niezviska II.

торые, возможно, также воспроизводят фактуру плетенки. Однако, в отличие от узоров на основе диагонального плетения, этот орнамент в большинстве случаев не разделен на панели, а сплошной зоной опоясывает сосуд (рис.1, 7-10). Возможно, что “техническое” происхождение имеют и некоторые узоры из зигзагов (рис.1, 11-13; есть в Трушешти, Старых Куконештах I, Дрэгушени, Старых Дуруиторах, Незвиско II).

Как видно из приведенных примеров, трипольские узоры, передающие в графике фактуру плетеных изделий, являются достаточно вольной интерпретацией исходных прототипов. Очертания образованных переплетениями фигур довольно скоро начинают приобретать не свойственные им криволинейные формы (рис.1, 4). В течение ограниченного временного промежутка, периодов Триполье VI – Кукутени А и начала А-В, такой орнамент украшал только расписную керамику и существенного влияния на собственно трипольскую традицию не оказал. Однако появление “плетенки” совпадает с распространением в Триполье-Кукутени полихромной росписи, в это же время происходит и значительная трансформация спиральных узоров [Палагута, 1999; Палагута, 2004]. В контексте этих изменений распространение неизобразительных технических орнаментов указывает на то, что в отмеченный период декоративный аспект орнаментации начинает превалировать над знаковым.

В развитии собственно трипольско-кукутенских спиральных композиций значительную роль сыграла иная разновидность технического орнамента – воспроизведение в декоре конструктивных деталей сосудов: ручек, которые обычно имеют вид выступов с вертикальным либо горизонтальным отверстием. В периоды Триполье А – VI для мисок, горшков и кубков характерны одна, две либо четыре ручки-ушка с горизонтальным либо вертикальным отверстием диаметром от 2-3 до 4-5 мм (исключение составляют лишь массивные ручки кувшинов). В такие ушки мог продеваться шнур, служивший для подвешивания сосудов. Иной раз такие ручки-ушки совсем не использовались, как, например, у миски из Жур, где отверстие при орнаментации было

залеплено кусочком глины [Палагута, 1998, рис.4, 6]. Ушки грушевидных сосудов и их крышек имеют соответствующие друг другу вертикальные отверстия: возможно, для шнура, который закреплял крышки на плечиках сосудов.

Как активная пластическая форма, ручки привлекали внимание мастеров. Им часто придают зооморфную форму, а у антропоморфных сосудов – форму рук [Бибиков, 1953; Маркевич, 1989]. Ручки обычно выделены дополнительными элементами орнамента: окаймлены линиями, образующими круг или овал (рис.2, 1-2), или покрыты штриховкой. Таким образом, пластический элемент формы соотносился с плоскостным рисунком.

Функциями переноски сосудов либо фиксации крышек роль ручек не ограничивается. В абсолютном большинстве случаев они изготавливались еще в процессе лепки формы, до нанесения декора, и, следовательно, в дальнейшем служили основой для построения орнаментальной композиции. Расположенные симметрично по бокам сосуда, ручки изначально членили горизонтальную зону орнамента на части, в которых в дальнейшем располагались его основные мотивы. Даже одна ручка становилась той точкой отсчета, с которой начиналась и которой заканчивалась композиция (рис.2, 2а).

Наблюдения над взаиморасположением ручек и элементов орнамента периодов Триполье А – VI показывают, что ручки могли находиться как в центре закручивающихся лент спиралей, так и между ними. Так, для керамики памятников северомолдавского локального варианта Триполья VI характерно расположение ручек в центре спиралей, а для Жур и других памятников южного локального варианта – между ними, на диагонали, соединяющей два закрученных конца S-видной спирали [Палагута, 1998]. В обоих случаях ручки выполняют функцию разметки орнамента, способы которой различают локальные керамические традиции.

Таким образом, ручки выступают неотъемлемой частью декора сосуда. Их декоративную роль подчеркивают частые находки сосудов, где ручки не имеют отверстия: оно либо слегка намечено, либо вообще отсутствует

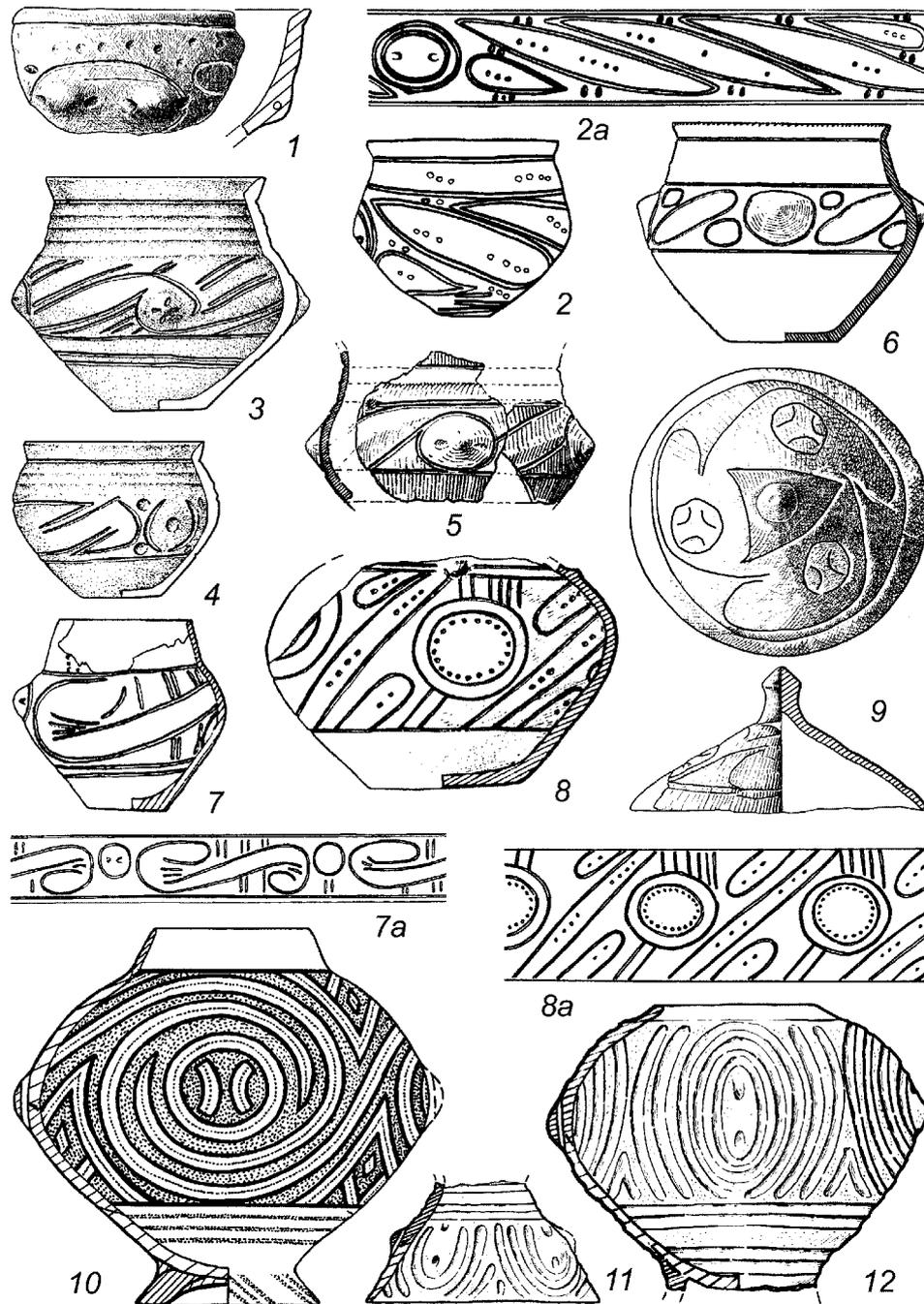

Рис. 2. Ручки и производные от них элементы орнамента на керамике периодов Триполья А, В1 – Прекукутени, Кукутени А: 1 – Лука Врублевцевская (по: Бибиков, 1953); 2, 7 – Трушешти I (по: Petrescu-Dîmbovița et al., 1999); 3-4 – Карбуна (по: Дергачев, 1998); 5, 6 – Извоаре I (по: Vulpe, 1957); 8, 11-12 – Старые Куконешты I; 9 – Траян дялул Фынтынилор (по: Marinescu-Bîlciu, 1974); 10 – Друцы I.

Fig. 2. Handles and derived elements in ceramics of the Tripolye A, BI – Precucuteni, Cucuteni A phases: 1 – Luka-Vrublevetskaya (after: Bibikov, 1953); 2, 7 – Trușești I (after: Petrescu-Dîmbovița, Florescu A., Florescu M., 1999); 3-4 – Cărbuna (after: Dergachev, 1998); 5, 6 – Izvoare I (after: Vulpe, 1957); 8, 11-12 – Cucuneștii Vechi; 9 – Traian-dealul Fîntînilor (after: Marinescu-Bîlciu, 1974); 10 – Druța I.

(рис.2, 3, 5, 6, 11-12). Следующим шагом в эволюции таких ручек становится полное их сглаживание. Но элемент орнамента, связанный с ручкой, остается, становясь частью орнаментальной композиции. Обычно это круги (рис.2, 4, 7, 8), но в некоторых случаях изображение ручки детально прорисовывалось углубленными линиями или красками (рис.2, 9, 10).

Процесс преобразования ручек из функционального элемента формы в элемент плоскостного декора на протяжении существования Триполья – Кукутени повторялся неоднократно. В ряде случаев ручки изображены весьма натуралистично: отверстия в ручках переданы двумя дугами или сегментами круга, иногда в сочетании с двумя точками или овалами. Именно такие изображения наиболее регулярно появляются на месте редуцированных ручек во все периоды Триполья-Кукутени (рис.2, 9-10; 3, 1-5, 7-8). После превращения в орнамент изображение ручки подвергается значительным переработкам. Внутри круга-ручки появляются: окантовка из ряда точек, вертикальные полосы, а в типологически более поздних вариантах – различные дуговидные, овальные и листовидные элементы, косые и прямые кресты и т.д. (рис.3, 6, 9-11).

Появление изображений ручек происходило не только в результате полной утраты этого элемента конструкции сосуда, но и после смещения ручек за пределы конкретной орнаментальной зоны. При этом соответствовавшие ручкам декоративные элементы оставались на прежних местах (рис.2, 8; 3, 6). Так возникали вторичные преобразования, наблюдаемые, например, на сосудах из Бернашевки, где дериваты ручек расположены и в основной зоне орнамента, и под венчиком, где приобрели вид двух бугорков с нарисованной между ними фигурой из дуг и сегментов (рис.3, 8) [Ткачук, Мельник, 2000, с.128, рис.1, 2].

Другой вариант распространения элементов, в основе которых лежат редуцированные ручки, – перенос композиции целиком на другую керамическую форму. Это вполне допустимо в условиях керамического производства, где набор сосудов представлял единый

комплекс, выполняемый одними и теми же мастерами. Таким образом, элементы орнамента, возникшие из преобразований ручек, оказывались на тех формах, где ручек не было или они располагались по иному, как, например, на сосуде из Старой Буды (рис.3, 3, 3a) [Passek, 1935].

Свою роль в развитии технических элементов орнамента, возникавших на основе ручек, сыграли и изменения в технологии декора. Так, в период Триполье VI – Кукутени А в качестве основного фактора таких преобразований (как и в обратимости орнамента [Палагута, 2004]), сыграло распространение росписи, пришедшей в западной части трипольско-кукутенского ареала на смену рельефным орнаментам – углубленно-желобчатому и каннелюрам. В последующие периоды Триполье VII, CI – Кукутени А-В, в развитие возникающих из ручек элементов орнамента происходило на фоне дальнейшей стандартизации гончарного производства, которая зачастую сопровождалась исчезновением ручек, как сравнительно трудоемких в исполнении деталей, и преобразованием их в элементы разметки орнаментов (о чем свидетельствуют наблюдения над образцами орнаментов “с точками” из Бодаков, Тальянков, Майданецкого и других памятников, где точки нанесены на сосуд первыми, еще до прочих элементов композиции).

Вывод о происхождении целого ряда элементов декора из деталей конструкции сосудов, ручек, не согласовывается со сложившимся представлением об изобразительном характере трипольских орнаментов, рассмотрением их элементов как части “пиктографической системы” или иллюстрации к некоему мифологическому тексту [Рыбаков, 1964; Gimbutas, 1991; Ткачук, 1991, с.57; Ткачук, Мельник, 2000, с.118-124]. В связи с приведенными выше наблюдениями, в исследование семантики трипольского орнамента приходится вносить заметные коррективы. Техническое происхождение ряда элементов декора свидетельствует о том, что орнамент в большинстве случаев не представлял собой “набора знаков”, образующих некий “текст”, а в целом являлся знаком, трактовать который можно лишь в контексте культуры в целом

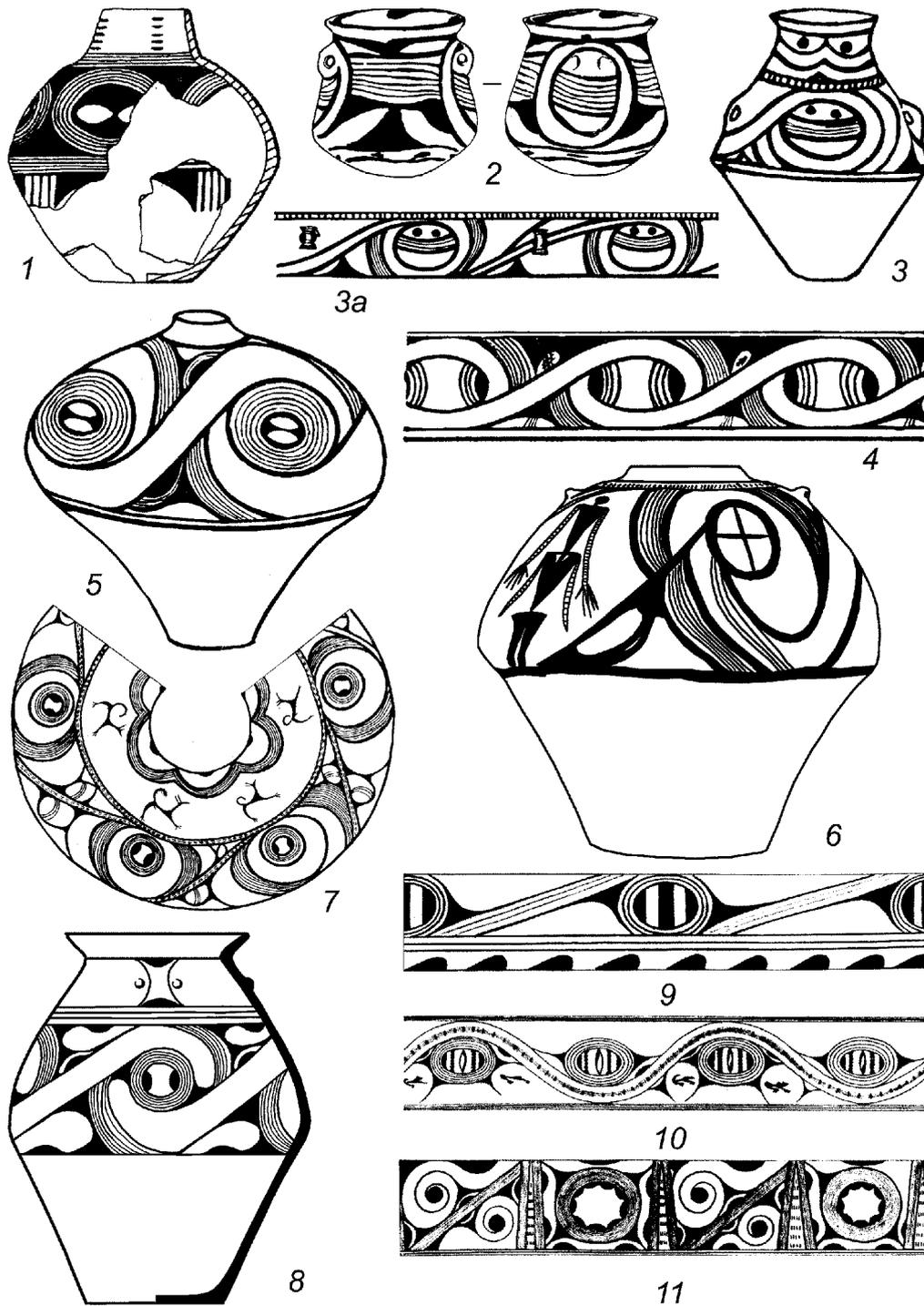

Рис. 3. Элементы орнамента, связанные с ручками, на керамике Триполья ВІІ, СІ – Кукутени А-В, В: 1 – Дрэгэнешты валея Унгуриянулуй; 2 – Владимировка (по: Пассек 1949); 3, 4 – Старая Буда; 5, 6 – Петрены (по: Пассек, 1935); 7 – Варваровка VIII (по: Маркевич, 1981); 8 – Бернашевка (по: Ткачук, Мельник, 2000); 9-11 – Шипенцы Б (по: Кандыба, 1937).

Fig. 3. Ornamental elements linked with handles in Tripolye BII, CI – Cucuteni A-B, B pottery: 1 – Drăgănești – valea Ungureanului; 2 – Vladimirovka (after: Пассек 1949); 3, 4 – Staraya Buda; 5, 6 – Petreni (after: Пассек, 1935); 7 – Varvarăuca VIII (after: Маркевич, 1981); 8 – Bernashovka (after: Ткачук, Мельник, 2000); 9-11 – Schipenitz B (after: Кандыба, 1937).

[см.: Антонова, Раевский, 1991]. К тому же, кроме символической, он играл и эстетическую роль, где требования следования ритму и симметрии значительно ослабляли знаковую нагрузку.

Преобразованные в орнамент элементы конструкции сосудов, возможно, содержали два уровня значений. Одно из них, первичное, было связано с прототипом орнаментальной фигуры. Другое значение элемент мог приобретать в результате его различной интерпретации в процессе бытования традиции. По-видимому, именно в процессе такой “переинтерпретации” на спиральной схеме возникают антропоморфные, зооморфные и другие изначально не связанные с нею изображения (рис.3, 6, 7, 10).

Сходную картину демонстрируют и этнографические наблюдения. Так, в среде индейцев пуэбло, известных своей расписной керамикой, вторичные трактовки одинаковых фигур могут значительно расходиться даже у гончаров из одного поселка [Кожин, 1967, с.145-146]. Одни и те же фигуры на тканях и вязаных изделиях припамирских таджиков могут в разных кишлаках получать названия и “волчья лапа”, и “голова дракона”, и прос-

то быть названы “узорами с ситца” (подразумеваются ткани фабричного производства) [см.: Андреев, 1928]. Аналогично возникает и большинство современных интерпретаций геометрических орнаментов, внешних по отношению к исходному содержанию орнамента и основанных на поисках возможных подобиий абстрактно-геометрическим фигурам и их сочетаниям. Поэтому рассмотренные выше “знаки”, возникающие из редуцированных ручек, трактуются произвольно: от изображений раковин [Богаевский, 1931], “мотива женской груди” [Рыбаков, 1964], до элементов календарных схем или прообразов пиктографии [Маркевич, 1981; Рыбаков, 1965; Ткачук, Мельник, 2000].

В реальности возникшие из технического орнамента элементы могут и не иметь конкретного значения и играют роль декоративного дополнения композиции орнамента. Интерпретироваться они могут по-разному даже в среде их исполнителей. Несмотря на это, наблюдения над их преобразованием открывают возможности для детальных типологических исследований с целью выявления относительной хронологии памятников и комплексов построек в пределах поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, 1928:* Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира / М.С. Андреев. – Ташкент, 1928. – 41 с.
- Антонова, Раевский, 1991:* Антонова Е.В. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации / Е.В. Антонова, Д.С. Раевский // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., 1991. – С.207-232.
- Балабина, 1998:* Балабина В.И. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы / В.И. Балабина // ВДИ. – № 2. – 1998. – С.135-151.
- Бибиков, 1953:* Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре (к истории ранних земледельческо-скотоводческих обществ на юго-востоке Европы) / С.Н. Бибиков // МИА. – № 38. – 1953. – 460 с.
- Богаевский, 1931:* Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья / Б.Л. Богаевский // Изв. ГАИМК. – Т.VI, Вып.8-9. – Л., 1931. – 101 с.
- Дергачев, 1998:* Дергачев В.А. Кэрбунский клад / В.А. Дергачев. – Кишинев, 1998. – 120 с.
- Збенович, 1989:* Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины / В.Г. Збенович. – К., 1989. – 224 с.
- Зотова, 1965:* Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии / С.В. Зотова // МИА. – № 130. – 1965. – С.177-180.
- Калинина, 2002:* Калинина И.В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические

- особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры / И.В. Калинина // Тверской археологический сборник. – Вып.5. – Тверь, 2002. – С.241-247.
- Кожин, 1963:* Кожин П.М. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников / П.М. Кожин // СА. – № 3. – 1963. – С.25-38.
- Кожин, 1964:* Кожин П.М. Рец. на: Н.Н. Хлопин. Памятники энеолита Южной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч.1, САИБЗ-8. М.-Л., 1963; В.М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч.2, САИ БЗ-8. М.-Л., 1962 / П.М. Кожин // СА. – № 3. – 1964. – С.328-334.
- Кожин, 1967:* Кожин П.М. Керамика индейцев пуэбло / П.М. Кожин // Культура и быт народов Америки / Сб. МАЭ. – Т.ХХIV. – 1967. – С.140-146.
- Кожин, 1981:* Кожин П.М. Значение орнамента керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза / П.М. Кожин // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М., 1981. – С.131-161.
- Кожин, 1991:* Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии / П.М. Кожин // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. – С.129-151.
- Кожин, 1994а:* Кожин П.М. Глиняный сосуд в системе древней культуры / П.М. Кожин // Вещь в контексте культуры. Мат-лы научной конференции. – СПб., 1994. – С.20.
- Кожин, 1994б:* Кожин П.М. Древнейшее производство и археологическая генетическая типология / П.М. Кожин // История и эволюция древних вещей. – М., 1994. – С.122-128.
- Маркевич, 1981:* Маркевич В.И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии / В.И. Маркевич. – Кишинев, 1981. – 196 с.
- Маркевич, 1989:* Маркевич В.И. Антропоморфизм в художественной керамике культуры Триполье-Кукутень / В.И. Маркевич // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. – Кишинев, 1989. – С.26-36.
- Массон, 1962:* Массон В.М. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении / В.М. Массон / Энеолит южных областей Средней Азии. Ч.2. / САИ. – Вып.БЗ-8. – М., 1962. – 29 с.
- Палагута, 1998:* Палагута И.В. Поселение Журы в Поднестровье: к вопросу о выделении локальных вариантов в Триполье VI / И.В. Палагута // Вестник МГУ. – Серия 8. История. № 6. – М., 1998. – С.122-144.
- Палагута, 1999:* Палагута И.В. Проблемы изучения спиральных орнаментов трипольской керамики / И.В. Палагута // Stratum plus. – № 2. – СПб, Кишинев, Одесса, 1999. – С.148-159.
- Палагута, 2004:* Палагута И.В. Обратимость узора в эволюции орнаментов керамики культуры Триполье-Кукутени / И.В. Палагута // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы тематической научной конференции. – СПб., 2004. – С.105-108.
- Пассек, 1949:* Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений / Т.С. Пассек // МИА. – № 10. – М.-Л., 1949. – 248 с.
- Пещерева, 1959:* Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии / Е.М. Пещерева // Тр. ИЭ. Новая серия. – Т.ХLII. – М., 1959. – 396 с.
- Радунчева, 1971:* Радунчева А. Доисторическое искусство в Болгарии / А. Радунчева. – София, 1971. – 120 с.
- Рыбаков, 1964:* Рыбаков Б.А., 1964. Семантика трипольского орнамента / Б.А. Рыбаков // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. – М., 1964. – С.23-25
- Рыбаков, 1965:* Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. II / Б.А. Рыбаков // СА. – № 2. – 1965. – С.13-33.

- Титов, Эрдели, 1980:* Титов В.С. Археология Венгрии. Каменный век / В.С. Титов, И. Эрдели. – М., 1980. – 420 с.
- Ткачук, 1991:* Ткачук Т.М. Личины в росписи керамики Триполье-Кукутени / Т.М. Ткачук // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – К., 1991. – С.47-59.
- Ткачук, Мельник, 2000:* Ткачук Т.М. Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд) / Т.М. Ткачук, Я.Г. Мельник. – Івано-Франківськ, 2000. – 238 с.
- Тодорова, 1979:* Тодорова Х. Энеолит Болгарии / Х. Тодорова. – София, 1979. – 97 с.
- Тодорова, 1986:* Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България / Х. Тодорова. – София, 1986. – 278 с.
- Bremer, 1925:* Bremer W. Das technische Ornament in der steinzeitlichen bemalten Keramik / W. Bremer // PZ. – Band XVI, 1/2. – 1925. – S.13-44.
- Comşa, 1974:* Comşa E. Istoria comunităţilor culturii Boian / E. Comşa. – Bucureşti, 1974. – 270 p.
- Crîşmaru, 1977:* Crîşmaru A. Drăguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică / A. Crîşmaru. – Botoşani, 1977. – 192 p.
- Csalog, 1955:* Csalog J. A tiszai műveltseğ viszonya a szomszedos jkkori műveltsegekhez / J. Csalog // FA. – VII. – Budapest, 1955. – P.23-44.
- Csalog, 1962:* Csalog Z. A Bodrogkeresztúri kultúra kerámiájának fonott edényeket utánzó ornamentikája / J. Csalog // AE. – Vol.89. – Budapest, 1962. – P.172-180.
- Cucoş, 1976:* Cucuş Ş. Vase prizmatice neo- eneolitice / Ş. Cucuş // MA. IV-V (1972-1973). – Bucureşti, 1976. – P.67-72
- Dumitrescu et al., 1983:* Dumitrescu VI. Escuisse d'une préhistoire de la Roumanie / VI. Dumitrescu, A. Bolomey, F. Mogoşanu. – Bucarest, 1983. – 221 p.
- Gimbutas, 1991:* Gimbutas M. The Civilization of the Goddess / M. Gimbutas. – San Francisco, 1991. – 529 p.
- Kalicz, 1970:* Kalicz N. Clay Gods / N. Kalicz. – Budapest, 1980. – 88 p.
- Kandyba, 1937:* Kandyba O. Schipenitz Kunst und Geräte eines neolitischen Dorfes / O. Kandyba. – Wien, Leipzig, 1937. – 129 s.
- Korek, 1989:* Korek J. Die Theiß-kultur in der mittleren und nördlichen Theißgegend / J. Korek / Inventaria praehistorica Hungariae. III. – Budapest. 1989. – S.5-124.
- Marinescu-Bîlcu, 1974:* Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni pe teritoriul României / S. Marinescu-Bîlcu. – Bucureşti, 1974. – 218 p.
- Palaguta, 2002:* Palaguta I. Some Results of Studies on Cucuteni-Tripolye Decoration Techniques / I. Palaguta // Archaeometry 98: Proceedings of the 31st Symposium, Budapest, 1998. – Vol. I, II / BAR, Archaeolingua Central European Series, 1. – Oxford, 2002. – P.627-629.
- Passek, 1935:* Passek T. La céramique Tripolienne / T. Passek // Сообщ. ГАИМК. – Вып. 122. – М.-Л., 1935. – 165 p.
- Patay, 1956:* Patay P. Szóttest utánzó díszítések a rézkori kerámián / P. Patay // A Miskolci Herman Ottó múzeum közleményei. 7. – Miskolc, 1956. – P.5-14.
- Petrescu-Dîmboviţa et al., 1999:* Petrescu-Dîmboviţa M. Truşeşti. Monografie arheologică / M. Petrescu-Dîmboviţa, A. Florescu, M. Florescu. – Bucureşti, Iaşi, 1999. – 812 p.
- Petrie, 1901:* Petrie F. Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadieh and Hu / F. Petrie. – London, 1901. – 62 p.
- Riegl, 1893:* Riegl A. Stilfragen. Grunglegungen zu einer Geschichte der Ornamentik / A. Riegl. – Berlin, 1893. – 444 p.
- Scheltema, 1929:* Scheltema F.A. von. Technisches Ornament / F.A. von Scheltema // Ebert M. Reallexicon der Vorgeschichte. – Band. 13. – Berlin, 1929. – S.244-245.
- Schuchhardt, 1909:* Schuchhardt C. Das technische Ornament in der Anfängen der Kunst. I. Das

Ornament system der nordwestdeutschen neolithischen Keramik / C. Schuchhardt // PZ. – Band I, 1. – Berlin, 1909. – S.37-54.

Vulpe, 1957: Vulpe R. Izvoare, sapaturile din 1936–1948 / R. Vulpe. – București. 1957. – 396 p.

Palaguta Ilya

Elements of ‘technical ornament’ and the problem of the interpretation of decorations of Tripolye-Cucuteni pottery

‘Technical ornament’ is a reproduction of relict details of constructions after disappearing of their links with technology and usage of some ware. The studies on ‘technical ornaments’ plays an important role in archaeological typology. Many “technical” elements also represents in sophisticated designs of Tripolye-Cucuteni culture. Derivations of texture of non-ceramic items (‘wattled’ designs) were widespread in Tripolye BI – Cucuteni A period as a sequence of influences of sub-carpatian Neolithic (possible Tisza or Petreshti cultures). It reflects the influence of basketry, weaving and textile production on pottery making. Derivations of handles are also frequent in Tripolye-Cucuteni designs. Handles are commonly transformed to motives included concentric or crossed circles or dots. Some of such derivations named ‘face motives’. However, their origins do not link with the ‘face of moon-like goddess’ but with the transformation of handles and using of its derivations as decorative element. Such way, the studies on ‘technical design’ disclaim the figurative interpretations of variety of design elements, but give possibilities to retrace the authentic evolution of ornaments.]

Key words: *Tripolye-Cucuteni culture, ‘technical decorations’, elements and composition of ornaments, ‘face’ motive of decoration, interpretations of ornaments.*

Палагута І.В.

Элементы “технического” орнамента и проблема интерпретации декора керамики Триполья-Кукутени

У статті розглядається феномен “технічного декору” на кераміці – відтворення в орнаменті реліктових деталей конструкції або текстури поверхонь некерамічних виробів. Вивчення “технічного орнаменту” грає важливу роль в археологічній типології. Численні “технічні орнаменти” представлені і в декорі посуду культури Триполья-Кукутени. Так, відтворення текстури плетених виробів є характерним для орнаментів періоду Триполья ВІ – Кукутени А. Воно, ймовірно, пов’язане з впливом на трипольський декор кераміки закарпатського неоліту (культури Тиса і Петрешті) і наочно ілюструє вплив на гончарство кошикоплетіння і текстильного виробництва. У Триполья-Кукутени було широко поширено й відтворення у вигляді орнаменту ручок, що втратили своє функціональне призначення. Ручки зазвичай трансформувалися у мотиви у вигляді концентричного або заштрихованого кола, кола з крапками тощо. Деякі з таких дериватів отримали назву “лицьовий мотив”, проте, його поява пов’язана зовсім не із зображенням “місяцеликої богині”, а з трансформаціями ручок, що перетворилися на декоративний елемент розпису. Дослідження розвитку “технічного орнаменту” показує часту неспроможність фігуративних і “знакових” його інтерпретацій, але, з іншого боку, дає можливості для виявлення шляхів еволюції композицій і елементів декору.

Ключові слова: *культура Триполья-Кукутени, “технічний орнамент”, елементи і композиція декору, “лицьовий” мотив, інтерпретація орнаменту.*